

Е.С. Шмакова<sup>1</sup> , Б.С. Байжигит<sup>1\*</sup> , С.Б. Бегалиева<sup>2</sup> 

<sup>1</sup>Таразский региональный университет имени М.Х. Дулати, Казахстан, г. Тараз

<sup>2</sup>Казахский национальный педагогический университет имени Абая, Казахстан, г. Алматы

\*e-mail: bota\_bs90@mail.ru

## ПОЭТИКА АБСУРДА И ФОРМЫ ВЫРАЖЕНИЯ АВТОРСКОЙ ПОЗИЦИИ В РАССКАЗЕ Н. ВЕРЕВОЧКИНА «ЧЕРЕП ГОГОЛЯ»

В настоящем исследовании в свете психоаналитических концепций рассматриваются формы выражения авторской позиции и абсурдистские приемы, ее выражающие, актуализируется идея неотделимости автора от художественного целого. Предпринимается попытка описать такие формы выражения авторской позиции, как заглавие и интертекстуальные включения с точки зрения фрейдистских учений о двух ключевых энергиях человека – Эроса и Танатоса. Рассматривается функциональность поэтики абсурда как выражения концепции бессмыслицы и нелепости, позволяющая более углубленно рассмотреть форму психологического состояния героя произведения. С опорой на труды казахстанских и зарубежных литературоведов доказывается, что выражение авторской позиции и характеристика персонажного ряда соотносится с проявлением авторского бессознательного, психологических травм и механизмов защиты. Теоретическая значимость исследования обоснована комплексным подходом к рассмотрению форм выражения авторской позиции в свете теорий традиционного литературоведения и психоаналитического подходов. Новизна исследования определяется тем, что впервые в рассказе Н. Веревочкина «Череп Гоголя» были рассмотрены поэтика абсурда и формы выражения авторской позиции в психоаналитическом аспекте. Практическая значимость работы выражается в возможности использования результатов статьи в исследованиях форм выражения авторской позиции, теоретических понятий «автор» и «герой» в современной русскоязычной прозе Казахстана.

**Ключевые слова:** авторская позиция, поэтика абсурда, психоаналитическое литературоведение, современная казахстанская литература, автор, герой.

E.S. Shmakova<sup>1</sup>, B.S. Baizhigit<sup>\*1</sup>, S.B. Begalieva<sup>2</sup>

<sup>1</sup>M.H. Dulati Taraz Regional University, Kazakhstan, Taraz

<sup>2</sup>Abai Kazakh National Pedagogical University, Kazakhstan, Almaty

e-mail: \* bota\_bs90@mail.ru

### The poetics of the absurd and the forms of expression of the author's position in N. Verevochkin's story «Gogol's Skull»

In this study, in the light of psychoanalytic concepts, the forms of expression of the author's position and the absurdist techniques that express it are considered, the idea of the inseparability of the author from the artistic whole is actualized. An attempt is made to describe such forms of expression of the author's position as the title and intertextual inclusions from the point of view of Freudian teachings about two key human energies – Eros and Thanatos. The functionality of the poetics of the absurd is considered as an expression of the concept of nonsense and absurdity, which allows a more in-depth examination of the form of the psychological state of the hero of the work. Relying on the works of Kazakhstani and foreign literary critics, it is proved that the expression of the author's position and characterization of the character series correlates with the manifestation of the author's unconscious, psychological trauma and defense mechanisms. The theoretical significance of the study is justified by a comprehensive approach to the consideration of the forms of expression of the author's position: in the light of the theories of traditional literary studies and psychoanalytic approaches. The novelty of the research is determined by the fact that for the first time in N. Verevochkin's story «Gogol's Skull» the poetics of the absurd and the forms of expression of the author's position in the psychoanalytic aspect were considered. The practical significance of the work is expressed in the possibility of using the results of the article in the study of the forms of expression of the author's position, the theoretical concepts of «author» and «hero» in modern Russian-language prose of Kazakhstan.

**Key words:** author's position, the poetics of the absurd, psychoanalytic literary criticism, modern Kazakh literature, author, hero.

Е. С. Шмакова<sup>1</sup>, Б. С. Байжігіт\*<sup>1</sup>, С.Б. Бегалиева<sup>2</sup>

<sup>1</sup>М. Х. Дулати атындағы Тараз өңірлік университеті, Қазақстан, Тараз қ.

<sup>2</sup>Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті, Қазақстан, Алматы қ.

e-mail: \* bota\_bs90@mail.ru

### **Абсурд поэтикасы және авторлық позицияны білдіру формалары Н. Веревочкиннің «Гогольдің бас сүйегі» әңгімесінде**

Бұл зерттеуде психоаналитикалық тұжырымдамалар аясында автордың позициясын білдіру формалары және оны білдіретін абсурдтық әдістер қарастырылады, автордың көркемдік тұтастықтан бөлінбеуі идеясы өзектендіріледі. Адамның екі негізгі энергиясы – Эрос пен Танатос туралы фрейдтік ілімдер тұрғысынан тақырып және интермәтіндік қосындылар сияқты авторлық позицияны білдірудің формаларын сипаттауға тырысады. Абсурд поэтикасының функционалдығы жұмыс кейіпкерінің психологиялық күйінің формасын тереңірек қарастыруға мүмкіндік беретін мағынасыздық пен абсурд ұғымының көрінісі ретінде қарастырылады. Қазақстандық және шетелдік әдебиеттанушылардың еңбектеріне сүйене отырып, авторлық позицияның көрінісі мен кейіпкерлер қатарының сипаттамасы автордың бейсаналық, психологиялық жарақаттары мен қорғаныс механизмдерінің көрінісімен байланысты екендігі дәлелденді. Зерттеудің теориялық маңыздылығы авторлық позицияны білдіру формаларын қарастырудың кешенді тәсілімен негізделген: дәстүрлі әдебиеттану теориялары мен психоаналитикалық тәсілдер аясында. Зерттеудің жаңалығы Н. Веревочкиннің «Гогольдің бас сүйегі» әңгімесінде алғаш рет абсурд поэтикасы мен психоаналитикалық аспектідегі авторлық позицияны білдіру формалары қарастырылғандығымен анықталады. Жұмыстың практикалық маңыздылығы авторлық позицияны білдіру формаларын, Қазақстанның қазіргі орыс тілді прозасындағы «автор» және «кейіпкер» теориялық ұғымдарын зерттеуде мақала нәтижелерін пайдалану мүмкіндігінде көрінеді.

**Түйін сөздер:** авторлық ұстаным, абсурд поэтикасы, психоаналитикалық әдебиеттану, қазіргі қазақ әдебиеті, автор, кейіпкер.

#### **Введение**

Присутствие автора в художественном тексте является предметом обсуждения оппозиционных точек зрения, констатирующих, с одной стороны, его «смерть» (Р. Барт, Ж. Деррида, М. Фуко и др.) и, с другой стороны, рассматривающих автора как субъекта, соединяющего все элементы системы художественного текста в единое целое и являющегося его смысловым центром (М.М. Бахтин, Ю.М. Лотман, Г.А. Гуковский, В.И. Тюпа, Б.О. Корман, В.В. Кожин). Альтернативной концепцией в теории авторства является психоаналитический подход к «проблеме взаимодействия автора и героя с акцентом на личностных качествах автора, «передаваемых» герою...» (Сафронова, 2007: 6).

В настоящем исследовании актуализируется идея неотделимости автора от художественного целого. Авторская позиция, его мировоззрение, личный опыт – все это в эксплицитной или имплицитной форме присутствует в художественном тексте и определяется как «образ автора» (В.В. Виноградов), «авторская модальность» (Н.С. Валгина), «позиция автора», «авторский идеал» (А.Б. Есин), «авторское сознание» (Л.О. Бутакова, Н.И. Гацура), «авторское начало» (О.Н. Копытов) (Сёмченко, 2020: 2).

С точки зрения психоанализа присутствие автора в тексте сопряжено с такими понятиями, как «сублимация», «вытеснение», «проекция», «регрессия» и др. Все эти понятия связаны с теорией З. Фрейда о том, что две основные энергии человека Эрос (сексуальное влечение) и Танатос (страх смерти) под воздействием механизма психологической защиты преобразуются в социально-приемлемые формы активности, например, в творчество, в процессе которого и срабатывают выше указанные механизмы защиты – сублимация, вытеснение и др.

Зачастую такое вытеснение комплексов в текст сопровождается абсурдистскими приемами выражения, указывающими на акцентуации характера или отклонения в психике героев произведения (Стрелец, 1997: 51).

М. Хайдеггер отмечал, что «имя мыслителя стоит в качестве заглавия к делу его мысли» (Хайдеггер, 2006: 228). К высказыванию М. Хайдеггера апеллирует гипотеза предпринятого исследования, заключающаяся в том, что продукт творчества автора всегда несет на себе авторскую печать, индивидуальный авторский стиль, выражающийся не только в раскрытии определенных тем, проблем, образов, авторской позиции, но и на более глубоком уровне, являющим читателю через все элементы художественного целого авторское бессознательное.

Таким образом, согласно психоаналитическому подходу, художественный текст есть продукт фрустрации автора, связанной с переживаниями в личной жизни или комплексами, а авторская позиция в художественном тексте обнаруживает в том числе проявление авторского бессознательного.

### Материалы и методы

Материалами для исследования послужили труды казахстанских и зарубежных ученых, проводивших научные изыскания в области поэтики современной русскоязычной прозы Казахстана: Сафронова Л.В., Джолдасбекова Б.У., Сарсекева Н.К.; фундаментальные труды по литературоведению (Б.О. Корман, В.Е. Хализев и др.), отражающие концепции выражения авторской позиции в художественном тексте; труды ученых, рассматривающих художественный текст и, в частности, выражение авторской позиции, с точки зрения психоанализа (З. Фрейд, Ю. Кристева, В.П. Руднев и др.).

Для реализации цели и доказательства гипотезы исследования в статье применены методы анализа и синтеза, направленные на анализ и обработку теоретического материала.

В практической части исследования применена психоаналитическая методология исследования художественного текста основным методом которой является интерпретация.

### Обзор литературы

Все многообразие форм проявления авторской активности на субъектном уровне не отражено еще ни в одной классификации. Однако в теории и практике литературоведения выделяется и описывается ряд способов выражения авторской позиции на уровне формы и содержания – формально-субъектный и содержательно-субъектный уровни, внесубъектный уровень выражения авторской позиции посредством сюжетно-композиционной организации произведения (Б.О. Корман, В.Е. Хализев и др.).

Позиция автора может быть выражена при помощи заглавия, эпиграфа, пролога, эпилога и др. композиционных структур; посредством организации персонажной системы, характеристик персонажей, художественных деталей, посредством второстепенных персонажей, средств художественной выразительности – аллегорий, метафор, эпитетов и пр. Традиционное литера-

туроведение рассматривает выражение авторской позиции на формально-субъектном, содержательно-субъектном и внесубъектном уровнях.

По мнению Р.А. Сёмченко, выражение авторской позиции проявляется «в семантических доминантах текста: заглавии, предисловии, авторских примечаниях, эпиграфе, послесловии, эпилоге, которые включают в себе подтекст, один из пластов смыслового целого» (Сёмченко, 2020: 2). Автор акцентирует внимание на заглавии, которому отводит важную роль в интерпретации текста и на таких феноменах, связанных с ним, как «проспекция – ожидание и угадывание последующих событий в художественном мире и ретроспекция – возврат к нему после прочтения произведения и приданием ему адекватной смысловой наполненности» (Сёмченко, 2020: 3).

Н. Веселова и Ю. Орлицкий отмечают поэтический прием, при котором заглавие «открывает текст, являясь отправной точкой его развертывания <...> Его отделение от текста невозможно без разрушения самой текстовой структуры <...> Текст в отрыве от заголовка может быть попросту непонятен» (Веселова, Орлицкий, 1998: 117).

М. М. Глазкова в качестве форм выражения авторской позиции рассматривает интертекстуальные включения, которые «выражают авторскую оценку, афористически характеризуют персонажей или ситуацию, способствуют типизации изображаемого» (Глазкова и др., 2012: 62). Исследователь отмечает, что в художественном тексте «авторский голос ощущается через ярко выраженную ассоциативность, игру со значением слова, столкновение функциональных стилей через интертекстуальность» (Глазкова и др., 2012: 63). Реализация авторского присутствия, по мнению исследователя, достигается путем «актуализации кодов классической литературы», которые «перекодированы» автором в соответствии с идеей и современными ему реалиями (Глазкова и др., 2012: 64). Таким образом, интертекст в художественном произведении, выполняя содержательную функцию, позволяет адекватно интерпретировать заданный автором вектор раскрытия идеи.

Отражение авторской позиции сквозь призму интертекстуальности рассматривает и Т. Прохорова. В своем исследовании ученый полагает, что цитаты, реминисценции и аллюзии служат «выражению философско-эстетической позиции автора», раскрытию философского и культурного подтекста, формирующего веду-

щую сюжетную линию произведения и выражающего авторскую концепцию (Прохорова, 2012: 114).

Выражение авторской позиции посредством организации персонажной системы рассматривает Т.А. Куевда. Исследователь предпринимает попытку выявить «специфику национальной этики отношения к уродству в романе А. Королёва «Человек-язык»» и ее интерпретацию автором. Исследователь указывает на «извечное для русской литературы повествование» о добре и зле, на основе которого выстроена система персонажей в исследуемом тексте (Куевда, 2021: 57).

О.А. Михайлушкина в своем исследовании отмечает, что система персонажей в рассказе В.П. Астафьева «Пролетный гусь» предполагает такую организацию, при которой каждый из персонажей «по-своему выражает авторское представление о человеке» (Михайлушкина, 2013: 96). Наряду с организацией персонажной системы, автор использует прием «говорящих имен», значение которых также отражает авторскую позицию по отношению к персонажу.

Каждая из этих форм выражения авторской позиции может иметь психоаналитическую основу.

В психоаналитическом аспекте выражение авторской позиции будет соотноситься с проявлением бессознательного, механизмов защиты и психологических комплексов. Так, например, авторская позиция, проявленная в организации персонажной системы, может раскрыть отношение автора к противоположному полу, проявит наличие психологических травм и акцентуаций характера, а характеристика персонажного ряда может быть проекцией травм самого автора.

Анализируя текст и вытесненные в него травмы и комплексы, особое внимание следует сконцентрировать на абсурдистских приемах, которые появляются как следствие девиаций героев и, возможно, и самого автора.

В современном психоанализе выдвигается новая концепция изучения данного явления как способа изображения картины мира, для которой характерно подчеркнутое нарушение причинно-следственных связей в результате девиаций у индивида.

Каков генезис поэтики абсурда в художественном тексте? Это следствие психологических нарушений (отклонений) или определенных душевных потрясений персонажа, которые влияют на его внутреннее состояние, что, в свою очередь, порождает его абсурдные поступки или

безумную речь. Иначе говоря, травма порождает сдвиг в сознании, и в результате этого появляется абсурдный текст (Байжігіт, 2020: 268).

## Результаты и обсуждение

*Поэтика абсурда.* В рассказе Н. Верёвочкина «Череп Гоголя» абсурд проявляется на различных уровнях художественной организации текста, раскрывая внутренние состояния героев.

Художественное пространство рассказа априори является абсурдным: в названии города «Новостаровск» считывается антитетическое начало противостояния «нового» и «старого», двух традиций – классической и современной, которое предполагает разделение персонажей на несколько лагерей.

Первый лагерь апеллирует к гоголевской традиции, где во главе царит Logos, а во втором Гоголь лишен головы, которая в мифологической традиции является символом здравого смысла. Персонажи второй категории ориентированы на материальные ценности, на телесные удовольствия: «превосходство Тела (и Эроса) и умерщвление Головы (Логоса)» (Бедненко, 2005). Тело становится главным, красота, достаток, наслаждение, телесное удовольствие в приоритете. Символом выражения этой идеи в рассказе становятся безголовые манекены.

Есть и третья категория – это главные герои, которые, с одной стороны, имеют отношение к писательской традиции, а с другой — являются представителями поколения безголовых манекенов, которых Адиль Ердигерович называет «Чичиковыми»: «Посмотри на любого, кто добился успеха и процветания, – Павел Иванович Чичиков... А какая сейчас востребованная профессия... Созидатели Чичиковых... Как добиться успеха и денег? Освободив в себе мерзавца и подлеца Чичикова» (Верёвочкин, 2022).

Главные герои оказываются в пограничном пространстве, которое В.П. Руднев называет «медиативным, посредническим» (Руднев, 1997: 242). Таким пространством в произведении является кафе «Веригин мост», уже в названии которого обозначен переход, граница между реальностью и абсурдом, ведь мост — это «символ трудного перехода между миром живых и миром мертвых. Он может воплощать сложный эмоциональный период в жизни. Мост связан с опасностью перехода на чужую, часто вражескую территорию» (Энциклопедия Кирилла и Мефодия, 2000).

У входа в кафе героев встречает незнакомец со странной наружностью, характеризующийся в мифологической традиции как проводник между мирами (Харон).

Пространство кафе «Верегин мост» наполнено образами, кажущимися абсурдными, потусторонними: люди, похожие на привидений, слепой старик с детскими губами на старческом лице и черными очками, напоминающими дыры в черепе, «в механических движениях, с которыми он орудовал вилкой и ножом, было что-то от робота», растерзанные останки утки (Верёвочкин, 2022).

Пограничность пространства обнаруживается и в сцене знакомства Федора и Адилья Ердигеровича, которое происходит в стенах «Каламгера» — обители литературной мысли современности. На этой встрече присутствовали представители всех трех вышеуказанных групп персонажей: Гоголь – Федор – Адиль Ердигерович.

Находясь на границе, Федор ведет физический диалог с литератором и в то же время ментальный диалог с Гоголем. Реалистичность присутствия Гоголя актуализируется портретом, который является «единственным достоверным изображением писателя», на этом портрете отражается негодование Гоголя, его причастность к беседе: Гоголь «вдруг посмотрел» Федору «в глаза и подмигнул», выражая свою поддержку, в то время как Адиль Ердигерович принимает противоположную позицию, рискуя лишиться головы и логоса: «Голова соскочила с ладони и повисла на тонкой веснушчатой шее» (Верёвочкин, 2022).

Потере Логоса подвержен и главный герой Федор. Формально это выражается в галлюцинациях, нарастающих у героя по мере развития сюжетной линии. Галлюцинации возникают у него в тот момент диалога с литератором, когда Адиль Ердигерович хвастливо заявляет, что держал в руках и читал второй и третий том «Мертвых душ».

Видения героя прогрессируют и усиливаются по мере его размышлений о том, что не так уж и плохо быть безголовым. Федор несколько раз подчеркивает это:

1. «За стеклом стоял безголовый манекен в осеннем пальто. Он прекрасно смотрелся без головы»;
2. «Голова в его случае была бы лишней»;
3. «Его тело, поза были столь выразительны и так много говорили о чувстве собственного до-

стоинства, что голова ему была совершенно не нужна» (Верёвочкин, 2022).

Такое троекратное отречение от Логоса в пользу материальных благ является аллюзией на современное общество в эпоху потребления.

Окончательное помутнение сознания героя в рассказе экстраполируется на символический план текста. Процесс градации галлюцинаций героя маркирован символикой желтого цвета, который традиционно связан с лишением рассудка. В рассказе присутствует вся палитра желтого цвета, которая по мере усиления галлюцинаций героя меняется от бежевого до ярко рыжего: Адиль Ердигерович был одет во все бежевое; отсвечивавшая золотом ниша в «Каламгере»; желтенький трамвайчик; налитый золотом череп; герой стоял в центре желтого вихря, шел через желтую горячую метель; рыжий ветер. Все эти образы в совокупности с желтым цветом обнаруживают нестабильное психическое состояние героя, которое к тому же сопровождается «мерзким недомоганием», «тошнотворной болью», «бессильной злобой» (Верёвочкин, 2022).

На навязчивые идеи героя о преследовании автор намекает еще в начале повествования. Теория навязчивых состояний принадлежит З. Фрейду и в последующем развивается Ж. Лаканом. Навязчивые состояния З. Фрейд связывает с вытесненным либидо, связанным с сильным влечением к субъекту, а также с наличием бичующего супер-Эго, вызывающего чувство вины и сомнения, которое отдаляет субъекта от реальности (Фрейд, 2022: 27).

В рассказе «Череп Гоголя» таким субъектом влечения главного героя становится Ася, а в качестве супер-Эго выступает личность Гоголя. Вытесненные желания обладать Асей вызывают у героя чувства вины: «Пытаясь избавиться от него, я снова завернул за угол. Гоголь последовал за мной. Он явно подозревал в краже черепа меня. Чувство вины, угрызения совести, раскаяние стреножили» (Верёвочкин, 2022).

На фоне навязчивого состояния под воздействием некоторых факторов (алкогольного опьянения и вирусной инфекции) у героя развивается персекуторный бред (бред преследования). «Суть этой болезни состоит в том, что большой человек занят мыслями, которые его совсем не интересуют, он чувствует в себе чуждые импульсы и побуждения к действиям, не доставляющим никакого удовольствия, и в то же время не может от них отказаться» (Норина, 2022).

Побуждает к поискам пропавшего черепа Гоголя главного героя именно Ася, которая симулирует ситуацию со звонком и тайным продавцом реликвии. Изначально Федор не заинтересован звонком инкогнито, предлагающего череп: «да как-то обходился до этого» (Верёвочкин, 2022). Однако Ася настаивает на встрече и пытается заинтересовать героя. На протяжении всего текста Ася пытается подогреть интерес Федора к этой теме для того, чтобы получить материал для сенсации: «У нас появилась возможность, не написав ни строчки, войти в историю литературы. Мы можем разгадать тайну исчезновения черепа Гоголя. Мы можем вернуть литературной обществу череп Гоголя» (Верёвочкин, 2022).

Таким образом, главный герой, управляемый бессознательными влечениями, инвестирует их в свои поступки, сопровождающиеся навязчивыми состояниями и параноидальным бредом. В финале рассказа Федор, гонимый страхом и бредом преследования, бежит от безголового манекена, который превращается в его галлюцинаторном бреде? в безголового Гоголя, а затем в химеру с головой Туфелькина и телом Гоголя.

*Заглавие.* Погружение в этимологию термина «заголовок» дает основания соотнесения этого структурного элемента поэтики с телесным образом головы как символа интеллектуальных способностей человека, самообладания, сознания, Логоса. Таким образом, заголовок приобретает символический характер «головы» текста, в которой сосредоточены интеллектуальные усилия автора «сконцентрировать» свою основную идею, зашифровать посыл к читателю и создать сюжетную интригу.

Перспекция заголовка рассказа Н. Верёвочкина создает интригу, отсылая читателя к детективным традициям, в частности, к повести А. Королёва «Голова Гоголя» и к нашумевшей истории об исчезновении из могилы черепа Гоголя.

Потерять голову (в фигуральном смысле), значит лишиться власти, рассудка, самообладания и т.д. В названии «Череп Гоголя» заложена интрига и символический смысл лишения рассудка как главных героев рассказа (бред преследования и галлюцинации у Федора, растроение личности у Аси), разоблачения их страхов и комплексов, так и покушение на интеллектуальную собственность великого писателя.

В психоаналитической традиции отделение какой-либо части от тела соотносится с различными комплексами и фобиями – Танатоса (стра-

ха смерти), комплексом кастрации, комплексом неполноценности. «В своих текстах Фрейд неоднократно связывает кастрацию с другими «утратами» тела. Облысение, срезание волос, выпадение зубов, обезглавливание, расчленение конечностей, рук и пальцев, потеря зрения – все это служит символическими иллюстрациями кастрации» (Шорыгин, 2018: 655).

В рассказе «Череп Гоголя» страх кастрации актуализируется заглавием, в котором заложен факт отделения головы от тела и этот посыл проецируется на персонажный ряд и символический подтекст рассказа: слепой старик, официант с божественным голосом кастрата, безголовые манекены, безголовый Гоголь, преследовавший главного героя, таинственный череп Гоголя, вокруг которого сосредоточен сюжет рассказа.

Символический подтекст рассказа обнаруживает страх «творческой кастрации», актуализирующийся символическим подтекстом потери Логоса – разума, имманентного.

Череп, какместилище разума, то есть Логоса, и его потеря актуализирует идею автора о том, что в современных реалиях Логос уступает место Эросу – телесным удовольствиям и материальным ценностям, в то время как имманентное утрачивается: свобода уже не та, она обнесена колючей проволокой и закрыта решетками на окнах, а журналисты всю «доют священных коров».

Позиция автора в этом случае является нейтральной, с одной стороны, он тяготеет к имманентным ценностям (журналистика, литература, наследие Гоголя-творца), с другой — посредством героя испытывает зависть к нарядному и беззаботному манекену и его соблазнительной спутнице с длинными ногами. Видения героя Федора, в бреде которых он приближается к миру Логоса, заканчиваются, и он снова идет на работу, все возвращается на круги своя. Логос в проигрыше.

Таким образом, в заглавии прослеживается авторская позиция, экстраполирующаяся на идейный план текста.

*Интертекстуальные включения.* Интертекст (Ю.Кристева) или текстовая диалогичность (М. Бахтин) — это свойство текста в широком смысле этого слова «которое соотносится, с одной стороны, с предпосылкой к получению нового знания на основе уже известного, а с другой — с результатом познавательно-творческой деятельности автора» (Кузнецова, 2015). Именно второе свойство интертекстуальных включений интере-

сует авторов настоящего исследования в аспекте предпринятого изучения авторской позиции в свете психоаналитической традиции.

И. П. Ильин отмечает, что интертекст является «реакцией» на предшествующие тексты» (Ильин, 1996: 206-207). С точки зрения психоанализа, реакция автора на предшествующий текст соотносится с его восприятием действительности и проявлением бессознательного. Этому феномену посвящены исследования Дж. Фроу (J. Frow) и Ш. Хэнда (S. Hand) (Frow, 1998).

Ю. Кристева в свою очередь отмечает, что «благодаря сосредоточению на структурном феномене языка мы можем наблюдать страсть к переносу, что позволяет нам интерпретировать интертекстуальность не как результат межсубъектной интроекции, а как явление, связанное с объектом, являющимся источником желаний» (Кристева, 2004: 234).

Другими словами, автор, ссылаясь в своем тексте на предшествующий текст, обнаруживает к последнему влечение, основанное на некоторых факторах, например, таких как преемственность, предмет полемики, объект стилизации и пр.

В рассказе «Череп Гоголя» интертекстуальный план достаточно разнообразен. Автор, выстраивая интермедийный фон, апеллирует к детективной истории о пропаже черепа Гоголя А. Королева, к творчеству Н.В. Гоголя, в частности, к его рассказу «Шинель», к наследию великого боксера М. Али, к теории Дарвина, к комедии Данте, к поэме Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо».

Интерпретация функций отсылок, аллюзий, реминисценций в тексте позволит определить «объект, являющийся источником желаний» и выявить степень интроекции автора относительно источника заимствования.

В этой связи самым мощным источником желаний для автора в рассказе является, конечно же, Н.В. Гоголь. Уже с заглавия вводится реминисценция, отсылающая нас к творчеству великого классика. Помимо того, что Гоголь является одним из героев, некоторые сюжетные линии рассказа «Череп Гоголя» тождественны гоголевской «Шинели». Так же, как в повести Гоголя, призрак Акакия Акакиевича носился по Петербургу в поисках утраченной шинели, «три дня и три ночи призрак Гоголя бродил по Новостаровску в поисках украденного черепа. Тонкими пальцами он ошупывал лица прохожих и примерял на их головы свой цилиндр» (Верёвочкин, 2022).

В то время, как призрак Гоголя примеряет на себя лица прохожих, его тезка Николай Верёвочкин примеряет на свой рассказ гоголевских героев (Чичиков, Туфелькин и др.) и некоторые другие отличительные особенности гоголевского письма. Например, говорящие имена собственные. В рассказе «Череп Гоголя» практически все имена собственные имеют семантику, соотносящуюся с авторской идеей, причем эта семантика не завуалирована, а лежит на поверхности и достаточно легко считывается более или менее подготовленным читателем. Так, имя друга главного героя Туфелькина апеллирует к гоголевскому Башмачкину. У главной героини Аси несколько имен и прозвищ: Ася, Сыроежка, Дрозofiла, Мухаммед Али, «самое злое перо». Причем, не только окружающие дают Асе различные прозвища, но и сама Ася, страдая расстройством личности подбирает себе псевдонимы: Бэлла Лядская (Б.Лядская), третейский судья из «Вечорки» и др.

Коллеги главных героев по перу также обладают говорящими именами — Эдуард Птаха — «самый старый и самый восторженный» в команде, «вылитый Ван Дам на пенсии», «старый пройдоха». Сарказм и ирония в авторской характеристике героя соотносятся с сочетанием его имени и фамилии, где имя Эдуард с греческого переводится как «страж достатка», а фамилия достаточно редкая и необычная намекает на изысканность и «голубокровость» ее обладателя. В характеристике персонажа, куда входит и говорящее имя, прослеживается авторская позиция. Черты иронии приобретает и характеристика профессиональной деятельности Птахи: «Свои статьи, похожие на длинные тосты, пишет гексаграммом. Не столбцом, конечно, но в торжественном ритме прибора. Воспевает новые рыночные отношения и становление демократии. С такой же искренностью и страстью, как некогда воспевал бригады коммунистического труда» (Верёвочкин, 2022).

Вера Павловна — «женщина пенсионного возраста, похожая на домохозяйку» с творческим псевдонимом Пьер Безухов. Новостаровск — название города, которое встречается в нескольких произведениях Н. Верёвочкина. Выше уже говорилось об антитетичности этого названия, актуализирующей идейный план текста.

Таким образом, традиция говорящих имен в полной мере используется Н. Верёвочкиным как следствие преемственности великому писателю, гоголевской иронии, а степень использования

говорящих и заимствованных имен из гоголевских текстов определяет интродукцию автора относительно источника заимствования.

Интертекстуальные включения из произведений Н.В. Гоголя обнаруживают в психоаналитическом аспекте повышенный интерес Н. Верёвочкина к писателю, который, согласно Ю. Кристевой, является источником желаний, в данном случае творческого, профессионального характера.

### Заключение

В исследовании были рассмотрены такие формы выражения авторской позиции как заглавие и интертекстуальность в психоаналитическом аспекте. Согласно психоаналитическому подходу, авторское присутствие и его позиция в художественном тексте обнаруживает в первую очередь проявление авторского бессознательного.

Метод психоаналитической интерпретации позволил выявить в рассказе Н. Верёвочкина «Череп Гоголя» страхи и травмы, экстраполирующиеся на различные элементы художественного целого. Так, например, было выявлено, что в заглавии рассказа выносятся проблема, которая на глубинном психоаналитическом уровне выявляет «страх кастрации», который, по Фрейдю, заключается в отделении части тела от целого, в данном случае головы. Этот факт предполагает акт «творческой кастрации» известного писателя в пользу творческих амбиций автора. Страх кастрации выявляется на уровне формы и содержания текста: в заглавии, организации персонажного ряда, характеристике персонажей и т.д.

На интертекстуальном плане психоаналитическая интерпретация позволила выявить степень интродукции автора по отношению к

«объекту желания» посредством анализа заимствованных элементов. Было выявлено, что использование Н. Верёвочкиным традиции говорящих имен, аллюзий на гоголевских персонажей, реминисцентных персонажей, гоголевских мотивов («Шинель») в рассказе «Череп Гоголя» определяет, согласно психоаналитической концепции интертекстуальности, степень интродукции по отношению к творчеству Н.В. Гоголя и подсознательного желания подвергнуть его акту «творческой кастрации», лишить головы, а значит и Логоса (имманентного).

Анализ поэтики абсурда, рассмотренной в психоаналитическом аспекте, позволил отследить механизм вытеснения комплексов в текст, который сопровождается абсурдистскими мотивами, указывающими на психологические отклонения героев произведения. Помимо абсурдистских мотивов в рассказе «Череп Гоголя» был выявлен ряд художественных элементов, указывающих на психологические акцентуации героев: абсурдное пространство, абсурдное и девиантное поведение героев, абсурдные ситуации и пр. Главный герой, управляемый бессознательными влечениями, инвестирует их в свои поступки, сопровождающиеся навязчивыми состояниями и параноидальным бредом.

Предложенная методология исследования может быть использована для анализа текстов русскоязычной прозы Казахстана в аспекте психоаналитического литературоведения.

### Информация о финансировании

Данное исследование финансировалось Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (грант N№ AP14972650).

### Литература

- Сафронова, Л. В. Автор и герой в постмодернистской прозе: Монография. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 2007. – 238 с.
- Сёмченко Р. А. Способы проявления авторской позиции в художественном произведении // Столица Науки. – 2020. – № 6. – С. 168-172.
- Стрелец Ю. Ш. Рациональное иррациональное-абсурд (опыт метафизического исследования) // Личность и культура на рубеже веков. — Екатеринбург, 1997. – 1997. – С. 50-52.
- Хайдеггер М. Ницше. Том 1. / перевод с немецкого Шурбелев А.П. – Издательство «Владимир Даль». М. – 2006. 573 с.
- Веселова Н., Орлицкий Ю. Заметки о заглавии (в русской поэзии 1980–1990 годов) // Арион. 1998. № 1. С. 114–120.
- Глазкова М. М., Любезная Е. В., Алёхина И. В. Интертекстуальность как способ выражения авторской позиции в прозе ТН Толстой // Русская словесность. – 2012. – № 6. – С. 47-53.
- Прохорова Т. Межкультурный диалог как способ выражения авторской позиции в рассказе Ю. Буйды Веселая Гертруда // Acta Universitatis Lodziensis. Folia Litteraria Rossica № 05 – 2012.
- Куведя Т. А. Антитеза в системе персонажей в романе А. Королева «Человек-язык» как форма выражения авторской позиции / Т. А. Куведя // Интеграция науки в условиях глобализации и цифровизации: материалы XIII Международной

научно-практической конференции: в 2 ч., Ростов-на-Дону, 29 сентября 2021 года. – Ростов-на-Дону: Южный университет ИУБиП, 2021. – С. 57-60.

Михайлушкина О. А. Система персонажей и авторская позиция в рассказе ВП Астафьева «Пролетный гусь» // Актуальные вопросы филологической науки XXI века. Ч. 2.— Екатеринбург, 2013. – 2013.

Байжігіт Б.С. Функции абсурда в речевой сфере персонажей. (Л. Петрушевская «Пуськи бятые»). Международный научный журнал «Наука и жизнь Казахстана». №6/3 2020. С. 267-271.

Бедненко Г. Б. Греческие боги. Архетипы женственности. – Москва: Класс, 2005. – (Библиотека психологии и психотерапии). – ISBN 5-86375-129-0.

Верёвочкин Н. Череп Гоголя. Журнал «Дружба Народов», номер 7, 2022. [электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2022/7/cherer-gogolya.html>.

Руднев В. П. Словарь культуры XX века. – М.: Аграф, 1997. – 384 с.

Энциклопедия Кирилла Б. Мефодия 2000 [Электронный ресурс] // М.: Кирилл и Мефодий: Рос. энцикл. – 2000. – Т. 2. URL: <https://megabook.ru/article/> (дата обращения 10.02.2023).

Фрейд З. Психоанализ детских страхов / перевод с немецкого А.М. Боковикова. СПб.: – Азбука-Аттикус, 2022.

Норина В.Н. Случай человека-крысы (невроз навязчивости) // Образовательный портал «Справочник». — Дата последнего обновления статьи: 28.08.2022. — URL [https://spravochnick.ru/psihologiya/sluchay\\_cheloveka-krysy\\_nevroz\\_navyazchivosti/](https://spravochnick.ru/psihologiya/sluchay_cheloveka-krysy_nevroz_navyazchivosti/) (дата обращения: 01.03.2023).

Шорьгин, Е. А. Психоаналитический взгляд на инвалидность: фрейд-лакановская оптика // Инвалиды – инвалидность – инвалидизация: материалы международной научно-практической конференции, Нижний Новгород, 27–28 сентября 2018 года. – Нижний Новгород: ООО «Научно-исследовательский социологический центр», 2018. – С. 653-660.

Кузнецова, Ю. С. Интертекст как объект корпусной лингвистики // Молодой ученый. — 2015. — № 20 (100). — С. 595-598. — URL: <https://moluch.ru/archive/100/22653/> (дата обращения: 16.02.2023).

Ильин И. П. Интертекстуальность // Современное зарубежное литературоведение: энциклопедический справочник / ред.-сост. И. П. Ильин, Е. А. Цуранова. М.: Интрада, 1996. 319 с.

Frow J. Intertextuality and Ontology. Manchester University Press / International journal of cultural studies 1 (2), 1998, pp. 197-210.

Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики / Пер. с франц. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 656 с.

Джолдасбекова Б. У., Шанаев Р. У. Интертексты рассказа Николая Веревочкина «Нарисуй мне золотое сердце» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. – 2019. – Т. 24. – №. 4. – С. 625-632.

Сарсекеева Н. К., Демченко А. С. Мифопоэтический потенциал прозы Н. Веревочкина в свете формирования речемыслительной культуры в вузе // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. – 2020. – №. 25-2. – С. 224-228.

Medeiros T., Laurence B. Obsessive neurosis: the link of desire in the path of the impossible. Revista Científica Multidisciplinar Núcleo do Conhecimento. Year. 06, Ed. 12, Vol. 05, p. 161-176. December 2021. ISSN: 2448-0959, Access link: <https://www.nucleodoconhecimento.com.br/psychology/link-of-desire/>.

## References

Safronova, L. V. Avtor i geroy v postmodernistskoj proze: Monografija [Author and hero in postmodern prose]. – SPb.: «Dmitrij Bulanin», 2007. – 238 s. (in Russian)

Sjomchenko R. A. Sposoby pojavlenija avtorskoj pozicii v hudozhestvennom proizvedenii [Ways of manifestation of the author's position in a work of fiction] // Stolica Nauki. – 2020. – №. 6. – S. 168-172. (in Russian)

Strelec Ju. Sh. Racional'noe irracional'noe-absurd (opyt metafizicheskogo issledovanija) [Rational irrational-absurd (the experience of metaphysical investigation)] // Lichnost' i kul'tura na rubezhe vekov. — Ekaterinburg, 1997. – 1997. – S. 50-52. (in Russian)

Hajdegger M. Nicshe. Tom 1. [Nicshe. Tom 1] / perevod s nemeckogo Shurbelev A.P. – Izdatel'stvo «Vladimir Dal'». M. – 2006. 573 s. (in Russian)

Veselova N., Orlickij Ju. Zametki o zaglavii (v russkoj poezii 1980–1990 godov) [Notes on the title (in Russian poetry 1980–1990)] // Arion. 1998. № 1. S. 114–120. (in Russian)

Glazkova M. M., Ljubeznaja E. V., Aljohina I. V. Intertekstual'nost' kak sposob vyrazhenija avtorskoj pozicii v proze TN Tolstoj [Intertextuality as a way of expressing the author's position in the prose of TN Tolstoy] // Russkaja slovesnost'. – 2012. – №. 6. – S. 47-53. (in Russian)

Prohorova T. Mezkul'turnyj dialog kak sposob vyrazhenija avtorskoj pozicii v rasskaze Ju. Buidy Veselaja Gertruda [Intercultural dialogue as a way of expressing the author's position in the story of J. Buida Merry Gertrude] // Acta Universitatis Lodzianis. Folia Litteraria Rossica № 05 – 2012. (in Russian)

Kuevda T. A. Antiteza v sisteme personazhej v romane A. Koroleva «Chelovek-jazyk» kak forma vyrazhenija avtorskoj pozicii [Antithesis in the system of characters in the novel by A. Korolev "Man-language" as a form of expression of the author's position] / T. A. Kuevda // Integracija nauki v uslovijah globalizacii i cifrovizacii: materialy XIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii: v 2 ch., Rostov-na-Donu, 29 sentjabrja 2021 goda. – Rostov-na-Donu: Juzhnyj universitet IUBiP, 2021. – S. 57-60. (in Russian)

Mihajlushkina O. A. Sistema personazhej i avtorskaja pozicija v rasskaze VP Astaf'eva «Proletnyj gus'» [The system of characters and the author's position in the story of VP Astafiev «The Flying Goose»] //Aktual'nye voprosy filologicheskoy nauki XXI veka. Ch. 2.—Ekaterinburg, 2013. – 2013. (in Russian)

Bajzhigit B.S. Funkcii absurda v rechevoj sfere personazhej (L. Petrushevskaja «Pus'ki bjaty») [Functions of the absurd in the speech sphere of the characters. (L. Petrushevskaya «Beaten Puski»)]. Mezhdunarodnyj nauchnyj zhurnal «Nauka i zhizn' Kazahstana». №6/3 2020. S. 267-271. (in Russian)

Bednenko G. B. Grecheskie bogini. Arhetipy zhenstvennosti [Greek goddesses. Archetypes of femininity] – Moskva: Klass, 2005. – (Biblioteka psihologii i psihoterapii). – ISBN 5-86375-129-0. (in Russian)

Verjovochkin N. Cherep Gogolja. Zhurnal «Druzhiba Narodov» [Gogol's skull. Journal «Friendship of Peoples»], nomer 7, 2022. [jelektronnyj resurs]. URL: <https://magazines.gorky.media/druzhiba/2022/7/cherep-gogolya.html>. (in Russian)

Rudnev V. P. Slovar' kul'tury XX veka [Dictionary of Culture of the Twentieth Century]. – M.: Agraf, 1997. – 384 s. (in Russian)

Jenciklopedija Kirilla B. Mefodija 2000 [Elektronnyj resurs] //M.: Kirill i Mefodij: Ros. jencikl. – 2000. – T. 2. URL: <https://megabook.ru/article/> (data obrashhenija 10.02.2023). (in Russian)

Frejd Z. Psihoanaliz detskih strahov [Psychoanalysis of children's fears] / perevod s nemeckogo A.M. Bokovikova. SPb.: – Azbuka-Attikus, 2022. (in Russian)

Norina V.N. Sluchaj cheloveka-krysy (nevroz navjazchivosti) [The case of the human rat (obsessive-compulsive neurosis)] // Obrazovatel'nyj portal «Spravochnik». — Data poslednego obnovenija stat'i: 28.08.2022. — URL [https://spravochnik.ru/psihologiya/sluchay\\_cheloveka-krysy\\_nevroz\\_navyazchivosti/](https://spravochnik.ru/psihologiya/sluchay_cheloveka-krysy_nevroz_navyazchivosti/) (data obrashhenija: 01.03.2023). (in Russian)

Shorygin, E. A. Psihoanaliticheskij vzgljad na invalidnost': frejdo-lakanovskaja optika [A Psychoanalytic View of Disability: Freudian-Lacan Optics] // Invalidy – invalidnost' – invalidizacija: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Nizhnij Novgorod, 27–28 sentjabrja 2018 goda. – Nizhnij Novgorod: OOO «Nauchno-issledovatel'skij sociologicheskij centr», 2018. – S. 653-660. (in Russian)

Kuznecova, Ju. S. Intertekst kak ob'ekt korpusnoj lingvistiki [Intertext as an Object of Corpus Linguistics] // Molodoj uchenyj. — 2015. — № 20 (100). — S. 595-598. — URL: <https://moluch.ru/archive/100/22653/> (data obrashhenija: 16.02.2023). (in Russian)

Il'in I. P. Intertekstual'nost' [Intertextuality] // Sovremennoe zarubezhnoe literaturovedenie: jenciklopedicheskij spravochnik / red.-sost. I. P. Il'in, E. A. Curganova. M.: Intrada, 1996. 319 s. (in Russian)

Frow J. Intertextuality and Ontology. Manchester University Press / International journal of cultural studies 1 (2), 1998, rr. 197-210.

Kristeva Ju. Izbrannye trudy: Razrushenie pojetiki [Selected Works: The Destruction of Poetics] / Per. s franc. – M.: «Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija» (ROSSPJeN), 2004. – 656 s. (in Russian)

Dzholdasbekova B. U., Shanaev R. U. Interteksty rasskaza Nikolaja Verevochkina «Narisuj mne zolotoe serdce» [Intertexts of Nikolai Verevochkin's short story «Draw me a heart of gold»] //Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serija: Literaturovedenie, zhurnalistika. – 2019. – T. 24. – №. 4. – S. 625-632. (in Russian)

Sarsekeeva N. K., Demchenko A. S. Mifopojeticheskij potencial prozy N. Verevochkina v svete formirovanija rechemyslitel'noj kul'tury v vuze [Mythopoetic potential of N. Verevochkin's prose in the light of the formation of speech-thinking culture at the university] //Lingvoritoricheskaja paradigma: teoreticheskie i prikladnye aspekty. – 2020. – №. 25-2. – S. 224-228. (in Russian)

Medeiros T., Laurence B. Obsessive neurosis: the link of desire in the path of the impossible. Revista Científica Multidisciplinar Núcleo do Conhecimento. Year. 06, Ed. 12, Vol. 05, p. 161-176. December 2021. ISSN: 2448-0959, Access link: <https://www.nucleodoconhecimento.com.br/psychology/link-of-desire/>.